

А. П. Володин

ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Термин «чукотско-камчатские языки» предложен в 1958 г. П. Я. Скориком; по его же данным, в состав чукотско-камчатской группы входит пять языков: чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский. Именно в таком составе чукотско-камчатские языки (Ч.-к.я.) описаны в сборнике «Языки народов СССР» (Л., 1968, т. 5.). В настоящем издании в качестве отдельных языков представлено только четыре алюторский язык описан в одной статье с корякским как его диалект.

2. Ареал распространения Ч.-к.я. — крайний северо-восток Азии (Чукотка и Камчатка); в прошлом он охватывал всю Камчатку, но в настоящее время, в связи с почти полным исчезновением ительменского языка, южная граница ареала проходит по середине полуострова; река Хайрюзова (западный берег) — река Озерная (восточный берег). Северо-западная граница ареала — река Индигирка, впадающая в Ледовитый океан. На Ч.-к.я. говорит коренное население Чукотского и Корякского автономных округов и Нижне-Колымского района республики Саха (Якутия); носители ительменского языка проживают в двух-трех поселках западного побережья Камчатки, административно входящих в Корякский автономный округ.

Языком межнационального общения в чукотско-камчатском ареале является русский.

3. По данным переписи 1989 г., общая численность чукотско-камчатских народов — ок. 27 тыс. чел.; однако количество говорящих на Ч.-к.я. существенно меньше. Так, число носителей чукотского языка, при общей численности 15 тыс. чел., составляет 70% от нее (наивысший процент в чукотско-камчатской группе); носителей корякского языка — 53% от общей численности 9200 чел. В это число входят и носители алюторского языка, которые при переписях всегда регистрировались как коряки. На керекском языке в 1991 г. говорили три человека (керексов при переписи учитывали как чукчей). В критическом положении находится и ительменский язык. Данные о численности ительменов в переписи 1989 г. (2500 чел.) сильно завышены; это объясняется тем, что ительменами записывались многие камчадалы (обрусевшие ительмены и русские старожилы Камчатки) в расчете на «северные льготы», которые существовали при советской власти. По переписи 1926 г. ительменов (без камчадалов) было 803 человека при практически стопроцентном числе носителей языка; по переписи 1959 г. — 1109 чел (36% носителей); отсюда ясно, что цифра 1989 г. абсолютно неадекватна. Число носителей ительменского языка в настоящее время не превышает 100 человек.

4. В. Г. Богораз, автор первой сопоставительной грамматики чукотского, корякского и ительменского языков (1922), считал, что все эти языки связаны генетическим единством. Выводы Богораза базировались на довольно обширных материалах, собранных им и В. Г. Иохельсоном в начале XX в., но степень изученности этих материалов была недостаточно глубокой. На первый взгляд родство казалось несомненным: много общей лексики, сходные системы склонения и особенно спряжения, где парадигмы личных префиксов совпадают практически полностью; кроме того, Богораз ошибочно полагал, что ительменский язык — эргативный и имеет инкорпорацию. Принципиальные отличия

обнаруживала фонетическая система; Богораз отмечал наличие в ительменском необычно громоздких стечений согласных (до шести в пределах одного слога), но специальной интерпретации этот факт у него не нашел.

Гипотезу Богораза поддерживал и всячески отстаивал Скорик. По мере накопления конкретных фактов и углубления знаний специфика ительменского языка становилась все более очевидной, и при изложении идеи генетической связи Ч.-к.я. постоянно приходилось делать оговорки, что «элементы сходства у четырех чукотско-камчатских языков больше, чем у этих языков с ительменским». Отличия ительменского языка Скорик объяснял его «ранним обособлением» от языка-основы, и, следовательно, более длительным самостоятельным развитием, а кроме того — иноязычным влиянием; высказывалось предположение, что ительменский язык «поглотил» какие-то иные языки и представляет собой «язык-конгломерат».

Альтернативная гипотеза была высказана этнографом И. С. Вдовиным и, независимо от него, Д. Уортом, — они считают, что ительменский язык не связан генетическими узами с другими языками чукотско-камчатской группы, а элементы общности являются результатом длительных и интенсивных контактов. Таким образом, чукотско-камчатская группа представляет собой не генетическую, а ареальную общность, своего рода языковой союз, состоящий из безусловно родственных чукотско-корякских языков и ительменского языка. Я отношусь к убежденным сторонникам именно этой гипотезы, так как она позволяет удовлетворительно объяснить большее количество фактов, хочется думать — все факты. Работы А. С. Асиновского по экспериментальной и сравнительной фонетике Ч.-к.я. подтверждают эту гипотезу.

В дальнейшем, для краткости, гипотеза, исходящая из презумпции генетического единства Ч.-к.я., именуется «гипотезой А», противоположная — «гипотезой Б».

5. Согласно «гипотезе А», ительменский язык обособился первым, но момент этого обособления, разумеется, не может быть указан даже приблизительно. Согласно «гипотезе Б», этот «момент Х» был моментом не обособления, а начала контактов ительменского языка с чукотско-корякскими языками. Археологические данные указывают на то, что ительмены были автохтонным населением Камчатки, тогда как их южные соседи (айны) и северные соседи (коряки) появились на Камчатке позднее. Далее известно, что ительмены, образ жизни которых был оседлым, в отличие от кочевников чукчей и коряков, делились на три территориальные группы, говорившие на трех близкородственных языках. Наиболее тесные контакты с коряками имели ительмены западной группы, так как именно по западному побережью коряки со своими оленьими стадами проникали до самого юга Камчатки. Восточные ительмены, возможно, имели контакты с чуками и наверняка с коряками, но в глубь их региона кочевники проникать не могли по географическим причинам: на восточном берегу не было корма для оленей. На юге Камчатки, наконец, была ительменско-айнская контактная зона. К сожалению, южный и восточный ительменский языки исчезли в начале XX в., а имеющиеся по этим языкам данные крайне скудны и ограничены лексическими списками при низком качестве записи. Сохранившийся до сих пор западный ительменский язык, как уже было сказано, подвергался наиболее интенсивному контактному влиянию чукотско-корякских языков.

Вряд ли возможно ответить на вопрос, когда именно произошло разделение чукотско- и корякского языков. При отсутствии письменных источников сравнительно-исторические штудии сильно затруднены, и можно с равным успехом предположить, что такое разделение произошло как до контакта с ительменами, так и после него. С уверен-

ностью можно утверждать только то, что чукотский и корякский — языки близкородственные, хотя и безусловно самостоятельные, обладающие каждый собственной грамматической системой. Что же касается выделяемых Скориком алюторского и керекского языков, то они могут трактоваться и как диалекты корякского, но с тем же успехом и как самостоятельные языки. Гипотеза Скорика о том, что алюторский язык обособился от чукотского, а керекский — от корякского, представляется вполне адекватной. Она подтверждается сопоставительным анализом видо-временных систем, о чем специально см. ниже.

Менее убедительна гипотеза о наличии эскимосского субстрата как одного из факторов образования чукотско-камчатской группы. Более обоснованной представляется обратная гипотеза: о чукотско-корякском влиянии на грамматическую систему эскимосских языков. Это требует отдельного исследования. Сегодня можно достаточно уверенно сказать, что грамматическая структура чукотско-корякских языков эскимосского субстрата не содержит. Отдельные лексические заимствования, разумеется, не в счет.

Внешние связи чукотско-камчатских языков следует искать на американском континенте. По своей структуре все эти языки — скорее американские, нежели азиатские, следовательно, их носители — это индейцы, которые остались на территории Азии. Вопрос о связях чукотско-камчатских народов с индейцами ставили уже первые исследователи Камчатки С. П. Крашенинников и Г. Стеллер в 30–40-е гг. XVIII в. Наиболее вероятным направлением поиска представляются атапаскские языки, но эта работа еще впереди.

Согласно «гипотезе А», предки чукотско-камчатских народов (включая праительменов) пришли на Чукотку и Камчатку все вместе и шли, по всей вероятности, со стороны материка. Разделяя «гипотезу Б», я полагаю, что пути чукчей-коряков и ительменов были различны: если первые кочевали с оленьими стадами с юго-запада и проникли на Камчатку с севера, через Чукотку, то собиратели и рыбаки праительмены проникли на Камчатку с юга, через Японию и Курильские острова. Момент их встречи, однако, установить вряд ли возможно.

6. Типичные фонетико-грамматические характеристики.

Фонетика

По составу гласных почти все Ч.-к.я. совпадают: *и, э, у, о, а, э*. Исключение составляет керекский язык, в котором всего четыре гласных: *и, у, а, э*. По составу согласных выделяется ительменский: в чукотско-корякских языках от 13 (керекский) до 18 (алюторский) согласных, тогда как в ительменском — 25 (а если считать за согласный гортанную смычку, то 26). Характерные особенности чукотско-корякских консонантных систем: отсутствие противопоставления звонкости/глухости у смычных, отсутствие или крайняя неразвитость фракции щелевых, наличие увулярных, фарингальных и гортанной смычки, которая часто описывается как сегментный элемент. В современном (западном) ительменском языке противопоставление звонких/глухих смычных тоже отсутствует, хотя в южном и восточном ительменских языках такая корреляция была, причем между западным и южным языками прослеживаются соответствия *м/б, н/д*: *мизвин* — *бурин* 'наш', *ноном* — *адонном* 'пища' (все примеры из Ч.-к.я. здесь и ниже даны в практической орфографии). Состав ительменских согласных обширнее за счет противопоставления смычных и аффрикат по абруптивности/неабруптивности: *п/п'*, *т/т'*, *к/к'*, *к/к'*, *ч/ч'* (на территории Евразии такая корреляция отмечается только в кавказских

языках), а также за счет более развитой фракции шелевых, у которых прослеживается противопоставление по звонкости/глухости: *з/с, в/ф*. Отличает ительменский и корреляция лабиализации, наличие лабиализующих морфем (главным образом корневых, но есть и аффиксальные), под воздействием которых вся словоформа произносится как лабиализованная: *вач* 'камень' — *°ва-пк'ул* 'камешек', *°а²асх* 'гнездо' — *°а²асх-анк* 'в гнезде'. Лабиализация служит и для смысловоразличения: *сис* 'игла' — *°сис* 'трава'.

Фонотактическая модель чукотско-корякских языков — CVCCVC, характерная для подавляющего большинства агглютинирующих языков Евразии; в ительменском фонотактика принципиально иная. Консонантный коэффициент ительменского языка — возможно, самый высокий среди языков мира. Ограничусь двумя примерами односложных слов: *кстк'джан* 'он спрыгнул' — семь согласных в начале слова, *к'аьчлх* 'научи его' — четыре согласных в конце слова.

Из морфонологических особенностей чукотско-корякских языков следует назвать гармонию гласных и ассимиляцию.

Чукотско-корякский сингармонизм принципиально отличается от сингармонизма алтайского типа: в чукотско-корякских языках сингармонические ряды делятся на подчиняющий (сильный) и подчиняемый (слабый). Это связано с характером структуры слова. В языках с агглютинацией алтайского типа (уральские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские) сингармоническое выравнивание происходит по гласному первого слога, который и является господствующим, а эту позицию в любом случае занимает корень. Следовательно, корневые морфемы не имеют сингармонических алломорфов, аффиксальные же имеют их всегда. В чукотско-корякских языках положение корня в линейной цепочке словоформы не фиксировано, поэтому для сингармонического выравнивания использован другой принцип:

Гласные сильного ряда	э	а	о
Гласные слабого ряда	и	э	у

(Гласный *э* существует в двух вариантах — сильном и слабом, а неопределенный гласный *э* (орф. *ы*), как правило, нейтрален по отношению к сингармонизму.) Отсюда следует, что сингармонические алломорфы могут иметь как аффиксальные, так и корневые морфемы, но это также позволяет выдерживать гармонию гласных в составе сложного слова и инкорпоративного комплекса, ср., например, чук. *купрэ-н* 'сеть' > *мэйцы-купрэ-н* 'большая сеть' > *тур-мэйцы-купрэ-н* 'новая большая сеть'; сочетание этого инкорпоративного комплекса с циркумфиксом комитатива *га-...-ма* меняет вокализм во всей цепочке по сильному ряду: *га-тор-майцы-копра-ма* 'с новой большой сетью'.

Наиболее последовательно указанный принцип сингармонического выравнивания действует в чукотском языке. В корякском возможны отдельные отклонения, например, *кайыкмину* 'дети', *ауулкалтикал* 'личинка овода'; сочетание в одной словоформе *и, а, у* для чукотского немыслимо. В алюторском сингармонизм разрушен довольно сильно и проявляется спорадически, в керекском же его вовсе нет по причине недостаточности «строительного материала» (ср. выше состав керекских гласных).

Ассимиляция в чукотско-корякских языках имеет тенденцию к увеличению звучности: при стечении шумного и сонанта вопрос решается в пользу сонанта, ср. чук. *эймит* + *нин* — *эйминнин* 'он-взял-это', коряк. *мытвэат* + *ла* — *мытвэатлла* 'мы-работали'. Как чередования ассимилятивного типа иногда описываются так называемые инициальные и медиальные варианты основы, ср. чук. *ру-к* 'съесть что-либо' —

га-ну-лин 'он съел это', чук., коряк. *тымык* 'убить кого-либо' — га-нмы-лен 'он убил его'.

Подобного рода чередования ительменскому не свойственны. Сингармонические пары прослеживаются в падежных формах, особенно в локативе и аллативе, ср. *исх-энк* 'у отца', но *эсх-анкэ* '(к) отцу'. Это явное чукотско-корякское влияние. Глагольным словоформам ительменского языка сингармонизм чужд. Важными для системы чередованиями являются чередования гласных корня при смене грамматического класса словоформы:

Нефинитная форма	Финитная форма	Отглагольное имя
<i>соньдас</i> 'жить'	<i>тсунскичэк</i> 'я живу'	<i>соньдэс</i> 'жизнь'
<i>эвэзэкас</i> 'возвращаться'	<i>илвизизэн</i> 'он возвращается'	<i>эвэзэном</i> 'возвращение'

Структура слова

Скорик писал о «префиксально-суффиксальной агглютинации» как о характернейшей особенности, объединяющей Ч.-к.я. (включая ительменский). Действительно, структурная модель словоформы в ительменском имеет вид (m) + R + (m) — скобки означают, что элемент m может быть представлен в конкретной словоформе более одного раза. Но для чукотско-корякских языков подобная модель имеет вид (m) + (r) + R + (m) — в составе цепочки допустимо наличие более одной корневой морфемы (сложные слова и инкорпорация). В ительменском сложные слова запрещены, а отсутствие инкорпорации «гипотеза А» объясняет ее «утратой»; но такие вещи вряд ли утрачиваются без малейшего следа.

Возможность сочетания в пределах словоформы двух и более корневых морфем делает границу между корнями и аффиксами неотчетливой и создает проблему отделения одних от других. Ср., например, морфему *кэй/кай*, отмеченную во всех чукотско-корякских языках. Ее значение можно определить как 'маленький, живой', например, коряк. *кай-милот* 'зайчонок', *кай-кайцын* 'медвежонок', *кайы-кмицын* 'ребенок' — во всех этих случаях *кай-* квалифицируется как префикс. Ср. однако *кайуу* (орф. *каюю*) 'оленок', где *кай-* — явный корень (*койаца* 'взрослый олень'). В чукотском эта морфема функционирует как префикс и как суффикс, ср. *кэй-кэйцын* 'медвежонок, детеныш бурого медведя' — *умкэ-кэй* 'детеныш белого медведя'; ср. также *нинкэй* 'мальчик' (этимологически *нин* 'молодой' + *кэй* 'маленький'). Функционирует она и как циркумфикс, ср. *кэй-ытты-кэй* 'щенок', ср. также *кэй-ы-кэй* 'детеныш', где данная морфема — корень, к тому же редуцированный. При основосложении второй корень либо инфигируется между компонентами редуликата, либо разрушает эту структуру, оставляя от нее инициаль или финаль (примеры см. выше).

Редупликация корня есть и в ительменском, и сфера ее действия та же, что в чукотско-корякских языках: редуплицируются только именные корни, причем выражается ед. число; при образовании мн. числа редупликативная структура обычно разрушается. Среди ительменских редупликатов есть немало чукотско-корякских заимствований, например *пиртиц* 'зола, пепел'; возможно, она возникла в ительменском под контактным влиянием, но не исключено и ее самостоятельное развитие. Редупликация и инкорпорация — вещи разные, так же, как редупликация и основосложение. Поэтому наличие в ительменском редупликативных структур не нарушает запрета на существование сложных слов.

Система склонения

В чукотско-корякских языках, помимо числа и падежа, существует еще категория определенности, которая является одной из манифестаций корреляции по роду (человек/не-человек). Выделяется два типа склонения (в некоторых описаниях — три) Минимальная структурная модель именной словоформы I склонения двучленна: основа + число (словоформа прямого падежа), основа + падеж (словоформа косвенного падежа); таким образом, морфемы числа и падежа находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Во II склонении фиксируется трехчленная модель; основа + определенность + падеж (только в косвенных падежах).

Чукотско-корякские языки — эргативные. Специальный формант эргатива есть только у личных местоимений; у существительных I склонения эргатив совмещен с инструменталисом, во II склонении — с локативом. Существует достаточно разветвленная система локативных падежей; количество падежных форм колеблется от 8 до 12 по разным языкам и диалектам.

В ительменском категория определенности в системе склонения не представлена. Противопоставление «человек/не-человек» выражается в скрытой форме, через отсутствие форм инструменталиса у имен, означающих человека. Ительменский язык — номинативный, точнее — безаккузативный: для выражения субъекта и объекта используется одна и та же падежная форма. Формы местных падежей заимствованы из чукотско-корякских языков (особенно наглядный пример — аффикс локатива -к, одинаковый во всех Ч.-к.я.); тем не менее, сравнительно-исторические изыскания приводят к выводу, что в формировании чукотско-корякской падежной системы ительменский язык не принимал участия. Заимствования в ительменский делались из уже сложившейся системы; при этом ительменский сохранил собственный инструменталис на -л, функционально не сопоставимый с чукотско-корякским инструменталисом-эргативом на -(т)э/а

Система спряжения

Согласовательные категории. Деятель (равно как и субъект состояния) в финитном глаголе чукотско-корякских языков выражается префиксами — левыми терминальными элементами в линейной цепочке словоформы. Личная парадигма строится на противопоставлении первого/непервого лица: *т-* 'я', *мыт-* 'мы', *Ø* 'ты, он', что приводит к омонимии, ср. чук. *чейвы-ркын* 'ты идешь/он идет', то же в других чукотско-корякских языках. Императив (лицо исполнителя действия) имеет собственную парадигму, показатели которой занимают ту же левую терминальную позицию: *к-* — 2 л., *н-* (или морфа, содержащая -н-) — 3 л., *м-* — 1 л. ед. ч., *мэн-* — 1 л. неед. ч.

Чукотско-корякский глагол полиперсонален. Показатели объекта действия занимают посткорневую позицию -2 (считая правую терминальную позицию за -1), исключая префикс *инэ-/эна-/ина-*, который означает 'меня', ср. чук. *инэ-льуркын*, алют. *ина-л²уткын* 'меня видишь ты/видит он'. Данный префикс выступает также как детранзитиватор, ср. коряк *тымтык* 'мыть кого-либо, стирать что-либо' — *эна-нмытатык* 'заниматься мытьем, стиркой'; в этих функциях префикс занимает в линейной цепочке словоформы разные позиции.

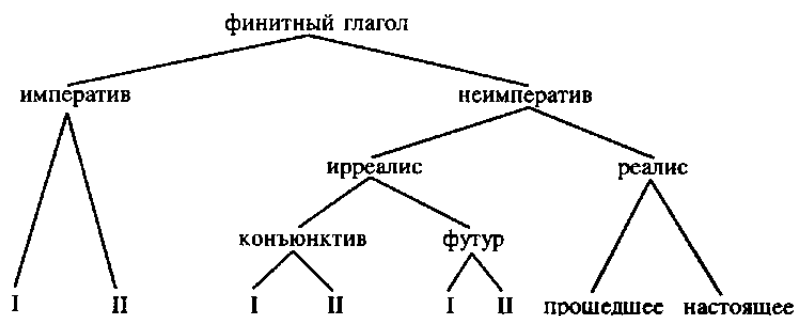
Специальной формой (правая терминальная позиция) выделяется 2-е лицо неед. числа — суффикс *-тык*, означающий 'вы' (чук. *чейвыркыни-тык* 'идете вы', *инэ-льуркыни-тык* 'меня видите вы') или 'вас' (чук. *тыльуркыни-тык* 'я вижу вас'), ср. формы импе-

ратива: чук. *қы-чейвы-ги* 'иди ты' — *қы-чейвы-тык* 'идите вы'; керек. *қы-лайу-й* 'иди ты' — *қы-лайу-тык* 'идите вы (дв.)' — *қы-лайу-ла-тык* 'идите вы (мн.)'.

В ительменском, как уже было сказано, левые терминальные показатели практически полностью совпадают с чукотско-корякскими как в императиве, так и в неимперативе. Это наиболее сильный довод в пользу «гипотезы А». С точки зрения «гипотезы Б», объясняющей этот факт контактными влияниями, ительменский язык заимствовал систему целиком, но к ее формированию не причастен. Ительменский глагол мог изменяться по лицам и не имея префиксальных показателей; более того, в отличие от чукотско-корякской системы, в ительменском различаются формы 2-го и 3-го лица *далэс-ч* 'ты идешь', *далэс-эн* 'он идет'; то же в биперсональных формах: *лркуз-миң* 'ты видишь меня', *лркуз-эмнэн* 'он видит меня'.

Специально выделено в ительменском и 2-е лицо мн. числа (та же правая терминальная позиция, что и в чукотско-корякских языках): *далэс-сх* 'вы идете', *лркуз-миң-сх* 'видите меня вы', ср. формы императива: *к-далэ-хч* 'иди ты' — *к-далэ-сх* 'идите вы'. Со значением 'вас' этот суффикс прямо не соотносится, хотя и входит в состав соответствующего объектного показателя: *таджкус-схэн* 'я вижу вас'. Трудно сказать, является ли этот показатель чукотско-корякским заимствованием. Известно, что специальное выделение именно 2-го лица в личной иерархии характерно для многих североамериканских языков.

Содержательные категории. Система модальных, темпоральных и аспектуальных противопоставлений в финитном глаголе чукотско-корякских языков описывается следующей схемой:

Для показателей содержательных категорий предусмотрено две позиции в линейной цепочке словоформы: предкорневая позиция 2 и посткорневая позиция -3. Позиция 2 занята показателями времени-наклонения, позиция -3 — показателями вида (предельности/непредельности, в терминах Скорика). Экспоненты этих двух позиций образуют видовые пары и иногда описываются как разрывные аффиксы (ширкумфиксы). Минимальная структурная модель словоформы чукотско-корякского финитного глагола имеет следующий вид:

Поз 1	Поз 2	Поз 3	Поз 0	Поз -3	Поз -2	Поз -1
императив/неимператив (лицо)	время-наклонение	объект 'меня'	корень	вид	объект (лицо)	лицо-число

Содержательные категории представлены в двух вариантах, которые можно определить как чукотский и корякский. В чукотском варианте (отмечен также в аюторском) немаркированному реалису (небудущее) противопоставлен маркированный ирреалис (будущее и конъюнктив). Каждая из этих форм дает видовую пару в сочетании с не-

длительностью (нестандартный маркер, в том числе нулевой) и длительностью (стандартный маркер):

	Чукотский		Алаторский	
Прошедшее	Ø	Ø	Ø	Ø
Настоящее	Ø	-ркын	Ø	-ткын
Будущее I	рэ-/ра-	Ø, -ң	тэ-/та-	Ø, -ң
Будущее II	рэ-/ра-	-ркын	тэ-/та-	-ткын
Сослагательное I	нъ-/ъ-	Ø, -ң	нъ-/ъ-	Ø, -ң
Сослагательное II	нъ-/ъ-	-ркын	нъ-/ъ-	-ткын

Корякский вариант (представлен также в керекском) отличается меньшей структурной стройностью: будущему противопоставлено не нулевое небудущее, а настоящее (настояще-прошедшее), маркированное префиксом *ку-/к-*, и нулевое прошедшее:

	Корякский		Керекский	
Прошедшее	Ø	Ø	Ø	Ø
Настояще-прошедшее	ку-/к-	-ң	ку-/к-	-ң
Будущее I	йэ-/йа-	-ң	йа-	-ң
Будущее II	йэ-/йа-	-йкын	йа-	-йки
Сослагательное I	нг'-/г'-	Ø, -ң	нха-/ха-	Ø, -ң
Сослагательное II	нг'-/г'-	-йкын	нха-/ха-	-йки

Императив во всех чукотско-корякских языках имеет соотносительные видовые пары, императив I и императив II.

В ительменском также существуют видо-временные формы, но их экспоненты расположены после корня, причем показатели вида непосредственно предшествуют показателям времени:

Поз. 1	Поз. 0	Поз. -4	Поз. -3	Поз. -2	Поз. -1
императив/неимператив (лицо)	корень	вид	время	объект (лицо)	лицо-число

Ительменская видо-временная парадигма выглядит следующим образом:

Прошедшее завершённое	-Ø-Ø-
Прошедшее незавершённое	-қзу/қзо-Ø-
Настоящее конкретное (момент речи)	-Ø-с/з-
Настоящее постоянное	-қзу/қзо-с/з-
Будущее завершённое	-Ø-а/а-
Будущее незавершённое	-қз-а/а-

Ительменский показатель конъюнктива — префикс *к'-*, занимающий позицию 2, ту же, что в чукотско-корякских языках. Скорик совершенно справедливо трактует его как заимствование: чук. -ъ- (гортанная смычка) — коряк. -г'- — итм. -к'-. Последний заимствован через форму 1-го лица ед. числа, в которой чукотско-корякский показатель по морфонологическим причинам теряет начальный *н*: *т* + *нъ* > *тъ* (чук., то же во всех чукотско-корякских языках), ср. чук. *т-ъы-чейвык*, итм. *т-к'-далэкичэн* 'я пошел бы'.

Весьма важную роль в ительменской системе содержательных категорий играет форма момента речи *-с*. Личные формы императива имеют не только видовые пары с Ø (императив завершённого действия, ср. чукотско-корякский императив I) и с *-қзу* (императив незавершённого действия, ср. императив II), но и видовую пару с показателем момента речи: *-Ø-с* (императив момента речи: *қ-далэ-Ø-с-хч* 'иди ты немедленно') и

-хзу-с- (императив постоянного действия: *к-далэ-хзу-с-хч* 'ходи ты постоянно'). Те же четыре видовые формы имеет и конъюнктив.

Выражение сказуемого

Существеннейшей чертой чукотско-корякской грамматики является наличие двух систем форм, служащих для выражения сказуемого: финитного глагола и предикативов. Эти системы формировались параллельно, причем предикативы, как можно полагать, представляют собой более древние формы.

В отличие от глагола, предикативы не способны выражать никакой иной модальности, кроме реализа, иными словами, нулевой модальности; категории ирреализа или волеизъявления предикативам чужды. Далее, финитный глагол первично образуется от корней со значением динамического (процессуального) признака; образование глаголов от корней других семантических классов — вторично, через посредство транспонирующих аффиксов. Предикативы первично образуются от корней практически любого семантического класса: предметных (N), процессуальных (V) и качественных (A; статический признак).

Сказуемое (независимый предикат) в чукотско-корякских языках имеет личную форму. Поэтому предикативы изменяются по лицам, но их личная парадигма иная сравнительно с парадигмой финитного глагола как позиционно, так и материально. Существует три группы форм для выражения независимого предиката: (1) предикативы типа «быть», (2) предикативы типа «иметь», (3) предикативы обладания.

Предикативы типа «быть» (чукотский язык):

Корень класса V	Корень класса A	Корень класса N
<i>ны-чейв-и-гым</i> 'хожу я'	<i>ны-мэйи-й-гым</i> 'большой я'	<i>эккэ-й-гым</i> 'сын я'
<i>ны-чейв-и-гымт</i> 'ходишь ты'	<i>ны-мэйи-й-гымт</i> 'большой ты'	<i>эккэ-й-гымт</i> 'сын ты'
<i>ны-чейвы-кин</i> 'ходит он'	<i>ны-мэйи-кин</i> 'большой он'	<i>эжык-в</i> 'сын он'
<i>ны-чейвы-мури</i> 'ходим мы'	<i>ны-мэйи-мури</i> 'большие мы'	<i>эккэ-мури</i> 'сыновья мы'
<i>ны-чейвы-тури</i> 'ходите вы'	<i>ны-мэйи-тури</i> 'большие вы'	<i>эккэ-тури</i> 'сыновья вы'
<i>ны-чейвы-кинэ-т</i> 'ходят они'	<i>ны-мэйи-кинэ-т</i> 'большие они'	<i>эккэ-т</i> 'сыновья они'

Эта парадигма традиционно описывается в трех разных разделах: формы от глагольных корней — как формы «настоящего II», формы от качественных корней — как имя прилагательное (или «имя качественного состояния»), формы от именных корней — как формы лица у существительного.

Предикативы типа «иметь», характеризуемые префиксом *г(э/а)-* (в керекском *на-*), образуются от корней классов V и N и описываются соответственно как «прошедшее II» и «форма лица обладателя данного предмета» (или как один из разрядов прилагательных). Личная парадигма у всех предикативов стандартная, например, чук. *гэ-чейв-и-гым* 'ходил я', *гэ-чейв-и-гымт* 'ходил ты', *гэ-чейвы-лин* 'ходил он' и т. д.; *г-эккэ-й-гым* 'с сыном я', *г-эккэ-й-гымт* 'с сыном ты', *г-эккэ-лин* 'с сыном он' и т. д. Обшностью происхождения с этими предикативами связаны деепричастия (чук. *га-лхон-ма* 'вставая') и комитативы (чук. *га-вопка-та* 'с лосем', *га-мыткы-ма* 'с жиром'), которые выражают зависимый предикат и по лицам не изменяются.

Предикативы обладания, характеризуемые суффиксом *-лыы*, образуются от корней любых семантических классов (исключая личные местоимения); они описываются либо как отдельная часть речи («имя-причастие»), либо как один из подклассов имен существительных. Это формы более позднего происхождения, о чем свидетельствует воз-

мжность их образования от ангикомитативного предикатива на *э/и-...-кэ/ки*: чук. *э-чейвы-кэ* 'не хожу/ходишь/ходит/ходил' — *э-чейвы-кы-лыы-й-гым* 'не ходящий я'; *э-тинкэй-кэ* 'без мальчика' — *э-тинкэй-кы-лыы-й-гым* 'без мальчика ты' и т. д. Многие предикативы на *-лыы* лексикализировались, ср. хотя бы чук. *о'равэт-лыы-н* 'человек', букв. 'обладающий рождением он' (< *у'рэтык* 'родиться').

В ительменском система предикативов отсутствует. По лицам изменяются только финитные глаголы. Под явным контактным влиянием возникла так называемая форма III инфинитива на *к-...-кнэн/кнан*, сопоставимая с чукотско-корякской формой *г(э/а) ...-лин/лэн*; она образуется только от глагольных корней, способна сочетаться с показателями вида, но по лицам не изменяется: *к-суыль-кзу-кнэн* 'жил(и) был(и) он(и)', *к-фи-ф-кнэн* 'уплыл он'.

Выражение атрибутивных отношений

Имени прилагательного в чукотско-корякских языках нет. Формы на *н(ы)-...-қин* от качественных корней, переводимые в словарях как прилагательные (чук. *ны-мэйың-қин* 'большой', *н-илгы-қин* 'белый, чистый') и описываемые как прилагательные, — функционируют как предикаты и представляют собой парадигматические формы 3-го лица ед. числа. Отдельные случаи использования этих форм в атрибутивной функции представляют собой примеры давления русской синтаксической модели. Регулярным способом выражения атрибутивных отношений служит инкорпорация (чук. *майңы-яра-к* 'в большом доме', *майңы-яра-йны* 'из большого дома').

В ительменском нет инкорпорации. Адъективные формы на *-лаҳ*, которые переводятся как прилагательные, в оригинальных текстах типично функционируют как предикаты: *кист* 'плаҳ' 'дом большой', *лаңэ ч'инэлаҳ* 'девушка красивая'. По лицам эти формы не изменяются. Возможно только согласование в числе: *кистэ?н* 'плаҳа?н' 'дома большие'. Атрибутивные отношения выражаются примыканием 'плаҳ кистэнк' 'в-большом доме', 'плаҳ кэстх?ал' 'из-большого дома'. Согласование с атрибутом наблюдается только в инструментальном падеже: 'плаҳаңл кистэл' 'большим домом/большими домами'; его сохраняют и заимствованные из русского прилагательные, но при этом они оформляются русским творительным падежом, ср. *свэзой аңчикит* 'из-за-свежей рыбы', но *свэзим аңчэл* 'свежей рыбой'.

Основные конструкции предложения

В чукотско-корякских языках выделяются две основных конструкции предложения: так называемые «номинативная» (двучленная, моноперсональный глагол) и эргативная (трехчленная, биперсональный глагол). Нижеприводимые примеры из чукотского могут быть дублированы соотносительными данными любого другого чукотско-корякского языка:

(1) *Қора-ңы вэтъаты-ркын* 'Олень (абс.) бодается'.

(2) *Қора-та вэтъаты-ркы-нэн тумгытум* 'Олень (эрг.) бодает-его товарища (абс.)'.

«Номинативная» конструкция не допускает дальнейших трансформаций, эргативная — трансформируется в конструкцию антипассивного типа:

(2а) *Қора-ңы эна-вэтъаты-ркын томг-эты* 'Олень (абс.) занимается-боданием товарища (аллат.)'.

Детранзитиватор *эна-* выступает как «держатель места» для инкорпорируемого объекта:

(2б) *Қора-ңы томгэ-вэтьаты-ркын* 'Олень (абс.) товарища-бодает'.

Инкорпорирование объекта позволяет инкорпорировать его атрибуты:

(2в) *Қора-ңы ңэн-томгэ-вэтьаты-ркын* 'Олень (абс.) молодого-товарища-бодает'.

В ительменском выделяются двучленная и трехчленная конструкции, но это язык номинативный:

(3) *П'эч а'нсызэн* 'Сын (абс.) учится'.

(4) *Исх п'эч аьчп-нэн* 'Отец (абс.) сына (абс.) научил-он-его'.

В (4) принципиально важен порядок слов: мена актантов местами дает мену значения.

Трехчленная конструкция трансформируется в пассивную:

(4а) *П'эч н-аьчп-чэн исх-энк* 'Сын (абс.) научен (его-научили) отцом (лок.)'.

Возможна и антипассивная трансформация; последняя конструкция возникла в ительменском под чукотско-корякским влиянием:

(4б) *Исх ан-аьчпа'дэн п'эч-энк* 'Отец (абс.) занимался-обучением сына (лок.)'.

В речи и в связанных текстах актанты обычно опускаются, особенно агенс: будучи упомянут однажды, он уже не нуждается в дополнительной актуализации, поскольку на него указывает личная форма глагола-сказуемого. Объектный актант присутствует чаще, потому что действия агенса могут быть направлены на разные предметы. Обычно текст представляет собой последовательность глагольных (или предикативных) словоформ, иногда перебиваемых словоформами других классов. Вот характерный пример из чукотского языка:

(5) *Тыппынэн, тымнэн, рычимэвини, рывээннини, рэпалгын йыннин, имтинин ярагты* 'Ткнул-он-ее (нерпу), убил-он-ее, разделал-он-ее, освеживал-он-ее, шкуру снял-он-ее, отнес-он-ее домой'.

Аналогичные примеры могут быть приведены из любого чукотско-камчатского языка, не исключая ительменский.

ЛИТЕРАТУРА

Володин А. П. Ительменский язык (фонология, морфология, диалектология, проблема генетической принадлежности): Автореф. дис. докт. филол. наук Л., 1979

Володин А. П. О выражении категории времени-наклонения в чукотско-камчатских языках // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976

Володин А. П. Проспект описания грамматики керекского языка (чукотско-камчатская группа) // Языки народов Сибири. Грамматические исследования Сборник научных трудов. Новосибирск, 1991.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. IV изд. М.; Л., 1949

Мальцева А. А. Морфология глагола в алutorском языке финитные формы (с применением методики порядкового членения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.

Мельчук И. А. Модель спряжения в алutorском языке // Предварительные публикации Института русского языка. М., 1973, ч. 1, вып. 45; ч. 2, вып. 46.

Муравьева И. А. Морфология алutorского глагола // Языки народов севера Сибири (сборник научных трудов). Новосибирск, 1986.

Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // ВЯ, 1958, № 1.

Языки и письменность народов Севера М., Л., 1934, ч. 3

Языки народов СССР Л., 1968, т. 5

Bogoras W. Chukchee // Handbook of American Indian Languages / Ed. by F. Boas. Washington, 1922.

Comrie B. Inverse Verb Forms in Siberia. Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal // Folia Linguistica Historica Acta Societatis Linguisticae Europae 1980, I/1

Kampfe H.-R. und Volodin A. P. Abriss der tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache Wiesbaden, 1995.

Worth D. S. La place du kamtchadal parmi les langues soi-disant paleosiberiennes // Orbis, 1962, t. XI, No 2.